

ИНАКОМЫСЛИЕ И ЕРЕСЬ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

В. А. Костенич (г. Могилев, Беларусь)

Человеческое мировоззрение существует в культурно-историческом пространстве разнообразных смысловых режимов и регламентов. Оно, вольно или невольно, подчинено корректирующей цензуре лингвистических формализмов, корпоративных установок и ценностных ограничений идеологического ракурса. Свобода и(ли) всеволие концептуальных галактик неизбежно натываются на барьеры внешней оппозиции и внутренней когерентности с ресурсами толерантности собственного «кланового» дискурса.

В этой связи, всякое *свободомыслие* представляет собой критическое испытание на интеллектуальное мужество, нравственный ригоризм и экзистенциальную пассионарность своих коперниканских подвижников. Особенно, в тех областях духовно-практических исканий, где болезненно ощутим и небезобиден всякий п(р)орыв к Инакомыслию, к трансцендированию на «зарубежные» территории мировоззренческой догматики.

Для религиозного сознания, Инакомыслие зачастую оказывается кощунственной провокацией идейного «грехопадения»; соблазном сомнительного «вольномудства»; покушением на корпоративные «святыни»; богоборческой иллюзией «обезумевшего Разума». Или, в лексике религиозного словаря, Ересью. Правда, если инакомыслие представляет собой «блудного сына», заплутавшего (на какое-то время) в лабиринтах догматических хитросплетений, то ересь осмысливается в качестве «нераскаившегося грешника» и носителя мировоззренческой энтропии.

При философской экспликации пограничных окрестностей инакомыслия и ереси могут быть использованы методологические конструкции диалектического мышления и синергетических концептуализаций. Подобное прочтение свидетельствует о том, что и инакомыслие, и ересь представляют собой, своего рода, «герменевтический разрыв», внутри некоего религиозного комплекса, возникший из-за обострившихся отношений с внешним окружением, а также с далеко зашедшим инакомыслием внутренних диссидентов.

Инакомыслие – это «различие», заявляющее о своих правах на существование «вблизи и наряду» с ортодоксальной аксиоматикой религиозных оптик восприятия бытия. Ересь же – это «троянский конь» инакомыслия, допущенный в святая святых религиозной Трои, в её фундаментальные основания и «жреческий эзотеризм». Это

различие, трансформировавшееся в «противоположность», различие, объявившее «войну» своей идейной родине и претендующее на её историческое наследство.

В терминологии синергетических квалификаций *инакомыслие аналогично зоне неустойчивого равновесия* в процессе эволюционных изменений того или иного бытийного образования. Здесь формируются и накапливаются возможные векторы системных биографических последствий. Некоторые из них потенциально судьбоносны. Однако, сами эти «вкрапления нового» не носят «деструктивного» характера; они всего лишь проба разнообразия; «информация к размышлению»; предисловие к «диалектическому отрицанию» и переходу в новое качественное состояние. Инакомыслие очерчивает «локусы проблемного»; зондирует систему на жизнеспособность в меняющейся (исторической) среде; квантует её бытийную генетику в режиме «мутаций смысла» и их мировоззренческих перспектив.

Ересь же претендует на статус механизма бифуркации. Эволюционные флуктуации поискового инакомыслия отменяются революционной экспроприацией базовых социокодов; батальными сценами рукопашной драки мировоззрений; попыткой отослать в архаику мировоззренческие доминанты бывших царствующих особ религиозного законодательства. Прежние социальные роли и статусы подвергаются принципиальной ревизии, торжествует семантика заговоров и оговоров, проповедь «своего» пытается тиранически восторжествовать над исповедью «чужого».

В отличие от инакомыслия, Ересь имманентно... тоталитарна. Она изначально живет в мире «антагонистических противоречий», в мире, где ценностный диалог («уже» и изначально) избыточен. Ересь против реформ смысла, её бытийная логика «пан или пропал». Она, как слон в посудной лавке, громоподобна, взрывоопасна и катастрофична. «Пусть погибнет мир, но восторжествует справедливость», - таково вселенское кредо всякой ереси. Хаос мировоззренческих разрушений для неё целесообразней, нежели филигранные миниатюры инакомыслия; прагматика победы приоритетнее оснований нового понимания основ бытия.

Таким образом, *инакомыслие и ересь, взятые в своём «религиозном» сопоставлении*, представляют собой диалектические артефакты, обладающие весьма различным синергетическим эффектом и бытийной потенциальностью. Опираясь на культурно-исторический опыт человечества, их можно и следует ценностно отграничить друг от друга, обозначив при этом «право на голос» каждого из названных феноменов в социальной практике современного человечества.

В частности, например, *экуменизм, как социокультурная позиция*, интенционально ориентирован на допустимость и продуктивность конфессионального диалога между исторически сложившимися «инакомыслиями» Мировых религий. Не претендуя на роль третейского судьи в оценке их аутентичных «Символов веры», экуменическая философия уважения к инакомыслию мыслящих Иначе созидает компромиссный ландшафт для сосуществования различных религиозных миропредставлений. Здесь, выражаясь, по-кантовски, критика способностью суждения глубинных измерений догматического Разума, сбалансирована по отношению к категорическим императивам «практического Разума», озабоченного *экзистенциальной совместимостью нравственных «всечеловечностей» конфессиональных плюрализмов.*

Одновременно, позитивной деконструкции должна быть подвергнута и «догматическая среда» самих Мировых религий и их «сектантских оппонентов». Не отменяя понятия «ереси», как указания на «фундаментальное догматическое инакомыслие», следует изъять из праксеологии религиозных конфликтов, персону «еретика», как «экзистенциального врага», предполагающего анафему исключения его из состава рода человеческого. *Конфронтационный пафос «еретических» инакомыслий, безусловно, допускает мировоззренческую реакцию и правовые оргвыводы.* Прежде всего,

по отношению к тем его социальным репрезентациям и субъектам, которые своим воинствующим эгоцентризмом угрожают революционными катаклизмами законной самобытности других «иноверцев». Вместе с тем, религиозное сознание, исторически претерпевшее тысячи джордановских экзекуций, обязано, наконец, обрести цивилизованный облик. Следует осознать, что инакомыслие и в сфере религиозных поисков Истины нуждается в «соборном обсуждении»; в ненасильственных драматургиях своего публичного воплощения; в сократовской майевтике вопрошающего сомнения; в темпоральных переинтерпретациях Вечного.

«Все прогрессы реакционны, если рухнет Человек!» (А.Вознесенский). Граница между «ересью» и «инакомыслием» начинается там, где инакомыслие забывает о своей мировоззренческой ипостаси быть «энной репликой Смысла» и экстраполирует себя в надменность одержимости собственным «избранничеством». Ересь есть «превращённая форма инакомыслия», готового «ради Истины» избавляться от «инакомыслящих». Она диалектически амбивалентна, как для тех, кто её воинственно исповедует, так и для тех, кто ей воинственно противостоит, кто подыгрывает ей безумием поведенческой симметрии.

Будем же культивировать Инакомыслие, избегая фугасов еретизма!